

**Страница истории советской юстиции.
Прокуроры и судьи в Сибири в эпоху террора 1937-1939 гг.**

*Папков Сергей Андреевич, д.и.н., профессор,
Институт истории СО РАН, Новосибирск.
spapkov@ya.ru*

Аннотация: Дается анализ положения юридического сообщества Сибири в период проведения массовых карательных операций НКВД. Характеризуется природа конфликта прокуроров и судей с органами НКВД, достигшего особой остроты к 1938 году. Раскрывается масштаб репрессий в отношении работников прокуратуры и судов, а также особенности следственных процедур, применявшихся при допросах юристов. Приводятся данные о своеобразии поведения военных прокуроров и судей, новые факты о трагической судьбе тех, кто не принимал условий и требований НКВД в рассмотрении уголовных дел. Содержится вывод о том, что в результате репрессий в Сибири был устранен целый слой работников судебной-прокурорской системы, разрушены структуры по надзору за спецслужбами, снизилось качество деятельности судов, которые и без этого были далеки от совершенства.

Ключевые слова: НКВД, массовые операции, прокуроры, судьи, Сибирь, конфликты, санкции, аресты, трибуналы.

**Page history of Soviet justice.
Prosecutors and judges in Siberia in the era of terror 1937-1939.**

*Papkov Sergey Andreevich, Doctor of History, Professor,
Institute of History SB RAS, Novosibirsk.
spapkov@ya.ru*

Annotation: The analysis of the situation of the legal community of Siberia in the period of mass punitive operations of the NKVD is given. The sources of the conflict between prosecutors and judges with the NKVD in 1938 are characterized. The scale of reprisals against employees of the prosecutor's office and the courts of Siberia is revealed and the features of the investigative procedures in the NKVD are shown. Specific features of the behavior of military prosecutors and judges are described, and new facts are given about the tragic fate of the victims. The conclusion is that in the result of repressions in Siberia, a large section of the employees of the judicial and prosecutorial system was liquidated, structures for supervision of special services were destroyed, and the quality of the courts' activity was reduced.

Keywords: The NKVD, mass operations, prosecutors, judges, Siberia, conflicts, sanctions, arrests, tribunals.

Изучение истории советского правосудия эпохи сталинизма и анализ последствий репрессий в судебной-правовой системе продолжает вызывать систематический научный интерес. За последние два десятилетия историография этой тематики пополнилась специальными работами о

положении и роли органов суда и прокуратуры в 1930-е годы, восстановлены имена многочисленных жертв террора из среды советских юристов. Наиболее заметный вклад в исследование проблем внесли работы Н. Г. Смирнова [1], А.Г. Звягинцева и Ю.Г. Орлова [2], П. Соломона [3], В.К. Гавриленко [4], А.Я. Кординцева [5], В.И. Исаева, Д.Ю. Михеева [6] и некоторых других авторов. Постоянно расширяющийся круг источников и их анализ позволил выявить реальные масштабы кадровых потерь в правовой сфере и подтвердить тот факт, что в ходе кампании террора 1937-1939 гг. в большинстве регионов страны были репрессированы *все* краевые и областные прокуроры и председатели судов, а также большинство их заместителей и основной корпус нижестоящих кадров – работники горсудов, рядовые прокуроры, следователи. Столь грандиозная чистка по сути означала переход к новому периоду в развитии советской системы правоприменения и новому порядку взаимоотношений между представителями судебной и исполнительной власти.

Вместе с тем, тема драматических перемен в правовой сфере и трагических судеб ее работников в период сталинской диктатуры далеко не исчерпана. В научный оборот вводятся новые источники, выявляются важные аспекты, расширяющие знание об эпохе 1930-х годов как об одном из самых своеобразных периодов советской истории. В предлагаемой статье ставится задача осветить положение судебно-прокурорских кадров Сибири в период 1937-1939 гг., ставших объектом операций НКВД, показать детали следственных процедур и прояснить истинные мотивы преследований тех, кто призван был «стоять на защите советского правосудия».

1937-1939 гг. – время универсальной чистки, произведенной Сталиным и его окружением в структурах советского государства и самого общества. Как партия, так и госаппарат в этот период подверглись массированному изъятию и физическому истреблению нежелательных элементов в интересах конструирования некоего нового, сплоченного и монолитного государства и общества. Начиная с весны 1937 г. в стране была проведена первая крупная

кампания чистки в системе управления (перевыборы местных партийных органов), которая смела с политического поля целый слой неоправдавших себя партработников от уровня партакеек до секретарей райкомов ВКП(б). Впервые она не была связана с социальным происхождением изгоняемых, а распространялась непосредственно на управленческий и контролирующий аппарат. А затем последовали аналогичные кампании в других областях государственной жизни, включая судебную-правовую систему.

Как обычно, процесс начался с низовых звеньев. 20 февраля 1938 г. Прокурор СССР А. Я. Вышинский в секретной записке Сталину и Молотову сообщал: «Прокуратура Союза ССР в 1937 году провела некоторые мероприятия по укреплению состава районных прокуроров. (...) ...по 7 союзным республикам, 17 автономным республикам, 39 краям и областям в порядке очищения органов прокуратуры уволено 886 прокуроров и 602 следователя. Это было сделано в целях удаления из органов прокуратуры пробравшихся троцкистско-зиновьевских шпионов и вредителей, неустойчивых, а также разложившихся элементов и явно негодных работников. Эта работа по очищению органов прокуратуры... еще не закончена...».[7]

Переход сталинского руководства к радикальной чистке судебной-правовой системы не мог вызываться какими-либо чрезвычайными обстоятельствами. После наиболее напряженного кризисного периода 1931-1933 гг. социально-экономическое положение в стране начало стабилизироваться, резко снизился уровень государственного насилия в стране, что также существенно отразилось и на показателях судебной статистики. В Западной Сибири тенденция сокращения числа возбуждаемых уголовных дел и осужденных судами традиционной юрисдикции была особенно заметна. Она выражалась следующими данными: в 1934 г. общее число осужденных составляло 79,8 тыс. человек, в 1935 – 54,0 тыс., в 1936 – 40,0 тыс., в 1937 – 32,5 тыс., т.е. за пять лет судимость в крае упала почти в 2,5 раза.[8] Карательные меры правительства перестали играть ту роль,

которую они исполняли в период коллективизации и «большого скачка», и прокуроры и судьи получили наконец приемлемые условия для стабильной работы в отправлении правосудия.

Но общее улучшение ситуации не изменило намерений Сталина произвести в судебной-правовой системе такую же кадровую чистку, как и в остальных областях партийно-государственной жизни. Это не было каким-то специальным планом или целенаправленной акцией по обновлению юридического аппарата. Логика чистки проистекала из общего расчета ликвидации любых противников, встававших на пути руководства страны и машины НКВД в ходе операций по уничтожению внутренних врагов. Прокуроры и судьи всех уровней по своему профессиональному положению оказались естественной преградой на пути произвола спецслужб в период действия тайных сталинских и ежовских директив.

Начавшееся смещение рядовых работников судов и прокуратуры постепенно переросло в действия против верхних слоев юридической номенклатуры. В Сибири первые крупные жертвы понесла Хакасская автономная область. Это были прокурор области И.Т. Жиров и председатель облсуда Ф.С. Толстухин. Оба были арестованы в 1937 г. (май и ноябрь) в результате острого конфликта с местным руководством НКВД в ходе операции по изъятию «антисоветских и националистических элементов».[4] За ними последовали прокурор Красноярского края Я.Ф. Королев (расстрелян в июле 1938г.) и председатель Алтайского краевого суда Т.Т. Блекис (умер в декабре 1937 г. тюрьме УНКВД в результате пыток). Аналогичный сценарий смещения действовал и в других регионах Сибири, менялись лишь его персонажи. В декабре 1937 г. пали прокурор Омской области Е. Л. Рапопорт и председатель Иркутского облсуда С.П. Касаткин (осужден в 1940 к 8 годам ИТЛ). А в 1938 г. были сметены все остальные руководители прокуратур и обл-крайсудов: в Новосибирской области – И. И. Барков и А. В. Островский, Иркутской – В.И. Фридберг, Ойротской – М.Я. Стариков, в Красноярском и Алтайском краях – Я.П. Коваленко, Э.С.

Любашевский и Н.Я. Поздняков. Из прежнего состава региональных юристов-руководителей не был репрессирован лишь председатель Омского облсуда А.Ф. Нейман (он умер в январе 1939 г. из-за продолжительной болезни). Очевидно, что за каждым арестованным руководителем стояли десятки других юристов из числа заместителей и помощников, членов судов и прокуроров, следователей и секретарей, общая численность которых не поддается учету, но дает ясное представление о масштабах ущерба нанесенного незрелой судебной-правовой системе. В одной лишь в прокуратуре Новосибирской области вслед за с И.И. Барковым в 1938 г. было арестовано 14 работников высокого ранга. [8. Л. 128].

Как свидетельствуют источники, именно реальное противодействие представителей юстиции агентам НКВД приводило их к губительным конфликтам и краху. Такой результат был неизбежным следствием расчленения системы права на законную и подзаконную части, когда одни институты (прокуратура и суды) руководствовались постановлениями правительства и ВКП(б), имевшими силу закона, а другие действовали согласно тайным приказам высшего руководства партии и НКВД. У каждой стороны была своя истина, но верх одерживал тот, у кого было больше властных ресурсов.

Наибольшее сопротивление произволу НКВД оказывали прокуроры, в руках которых находились инструменты предварительного расследования и возбуждения уголовных дел. Поэтому конфликт возникал уже на ранней стадии оформления дел или ареста подозреваемых лиц. Такой итог карьеры, в частности, был у прокурора Омской области Е.Л. Рапопорта, арестованного после вызова в Москву Прокурором СССР Вышинским, а затем этапированного в Омск. «Рапопорт был очень неудобной фигурой для работников НКВД, – пишут исследователи А.Г. Звягинцев и Ю.Г. Орлов. – Вместо того чтобы преследовать «контрреволюционеров», он осмеливался не только давать указания чекистам, но и возбуждать против них уголовные дела и дисциплинарные преследования, за что его не раз одергивал

Вышинский» [2. С. 157]. Е. Л. Рапопорт провел в тюрьме больше чем полтора года и получил освобождение в июле 1939-го «за отсутствием состава преступления».

Важно учесть, однако, что до возникновения конфликта, приводившего юристов в тюремные камеры НКВД, все областные и краевые прокуроры являлись членами троек УНКВД, и их участие в бессудных чекистских расправах с рядовыми гражданами протекало без особых эксцессов. Проблемы стали принимать неразрешимый характер с того момента, когда действия НКВД распространились «слишком широко», когда они затронули большие группы партийной и государственной номенклатуры как участников «правотроцкистского заговора», а в материалах следствия появились разоблачительные показания на многих других руководящих работников. Опасность ареста «за связь с врагами народа» становилась таким образом очень близкой для самих правоохранителей. Придерживаться и дальше вынужденного компромисса было невозможно.

Именно поэтому основная часть прокуроров и судей стала жертвой НКВД лишь в 1938 году, т.е. после завершения основной фазы массовых операций НКВД («кулацкой», «РОВС», «харбинской» и других), захватившей главным образом рядовых (беспартийных) граждан.

Особенно напряженные отношения со спецслужбами складывались у той части юристов, которые непосредственно вели наблюдательное производство за действиями работников НКВД – в отделах прокуратуры по спецделам (спецотделах), контролировавших рассмотрение дел по контрреволюционным преступлениям.

Если обратиться к материалам проверки Прокуратуры СССР сентября 1938 г. в Новосибирской области, можно отчетливо увидеть, как жертвой НКВД становились не только отдельные лица, но и надзорная деятельность прокуроров в целом. Согласно отчету о проверке, в прокуратуре области в этой сфере царил паралич: «Отдел по спецделам не был укомплектован работниками. Вместо полагающихся по штату 9 человек в отделе работало 3-

4 человека... Возглавлявший отдел зам. облпрокурора Блимбергс и пом. прокурора по спецделам Садковский оказались врагами народа и арестованы органами НКВД в августе-сентябре 1938 года. Никакого надзора за делами УГБ со стороны прокуратуры не было да и быть не могло, так как ни один из прокуроров отдела по спецделам в течение 2-го полугодия 1937 г. и за 1938 год ни разу не был в УНКВД. (...) Вся работа отдела по спецделам заключалась в просмотре поступавших уже законченных дел в облпрокуратуру и даче санкций на арест». В отчете сообщалось также, что «исключительно плохо» решался вопрос с рассмотрением жалоб. «Как правило, жалобы рассматриваются через 2-6 месяцев и больше после их поступления, когда в значительное мере утрачен смысл их рассмотрения. Всего за 8 месяцев 1938 года поступило 3745 жалоб. С 1 июля по 15 сентября 1938 года жалобы совершенно не рассматривались (около 500 шт.)»[9. Л. 380-381].

Искажение правосудия до полного произвола и абсолютное господство органов НКВД стали наиболее выразительной чертой работы всех звеньев советской судебной-правовой системы 1937-1938 гг. В действиях прокуратуры это проявлялось в том, что «дела о контрреволюционных преступлениях возбуждались как по личной инициативе райпрокуроров и следователей, так и по указаниям облпрокуратуры. Облпрокуратура (Барков, Поздняков) санкционировали возбуждение дел и аресты по делам на основании телефонных переговоров или телеграфных запросов, без просмотра материалов, зачастую и при полном отсутствии материалов вообще».[10. Л. 381].

Взаимодействие прокуроров и судей с НКВД в карательных акциях в конечном счете приняло трагический оборот: юристы один за другим стали подвергаться разоблачениям и арестам. Некоторые попадали в камеры НКВД как «вредители и покровители вредителей в области правосудия», другие – «за связь» с уже арестованными «врагами народа».

14 марта 1938 г. был арестован Игорь Ильич Барков, прокурор Новосибирской области, работавший до этого (с февраля 1933 г.) прокурором Западносибирского края. На заседании горкома ВКП(б) 28 марта 1938 г. при решении вопроса о его исключении из партии его обвиняли в том, что «на протяжении ряда лет имел тесные связи с разоблаченными врагами» из обкома ВКП(б), облисполкома и репрессированными прокурорами, допустил «засорение аппарата облпрокуратуры враждебными элементами» [11. Л. 80]. Допросы И. И. Баркова в управлении НКВД продолжались более месяца до тех пор, пока под воздействием следствия он не покончил жизнь самоубийством, выбросившись из окна 4-го этажа.

Сменивший Баркова в феврале 1938 г. прокурор области Иван Дмитриевич Новиков также вскоре покончил самоубийством (застрелился).

В сентябре 1938 г., докладывая Сталину об итогах «очистки» Новосибирской области, первый секретарь обкома ВКП(б) И. И. Алексеев, активный инициатор многих разоблачений, наряду с прочими фактами, сообщал: «В последнее время вскрыта крупная правотроцкистская группа в органах прокуратуры, возглавлявшаяся врагом народа, бывшим областным прокурором Барковым. В состав этой группы входили прокуроры основных промышленных городов области (Сталинск, Прокопьевск, Новосибирск, Томск, Ленинск) и ряда районов, а также часть руководящих работников обл. прокуратуры, включая и.о. прокурора Новикова и его заместителя Блимбергса. В целях маскировки к.-р. деятельности и сохранения своих кадров от разоблачения, эта правотроцкистская группа ставила своей задачей дискредитировать органы НКВД путем сбора заявлений среди арестованных и их семей для посылки в центральные руководящие органы и прокуратуру СССР, рассчитывая этим вызвать сомнение в действиях органов НКВД» [12. Л. 106].

Спустя три месяца был арестован и сам И. И. Алексеев. Его осудили и расстреляли в Москве в течение одного дня – 25 февраля 1939 г.

Драматические последствия в своей юридической карьере пережил также председатель Новосибирского облсуда Александр Владимирович Островский. 18 октября 1938 г. его исключен из партии, а 22-го вызвали по телефону в обком ВКП(б), где в это время работала специальная бригада ЦК ВКП(б) по проверке областных органов суда и прокуратуры. Но вместо бригады его встретил начальник отдела УНКВД Пастаногов с двумя следователями и арестовал как заговорщика, завербованного бывшим прокурором Барковым. Кроме Островского в следственных камерах находились и другие юристы, давшие на него разоблачительные показания: заместители председателя Алтайского крайсуда К. А. Мокиевский и Н. В. Смекалов, прокуроры Ф. И. Пелевин, Д. Я. Эльснер и другие.

С первого же дня ареста следователи УНКВД Соловьев, Салтымаков, Шутилин развернули изнурительные допросы, требуя от Островского признания во вредительстве и показаний на других юристов. Арестованный не сдавался несколько дней, поскольку следователи не применяли пыток, а действовали убеждением, используя также полученные «новые» директивы из области советского правоприменения. На одном из допросов следователь Соловьев заявил судье, что «объективность следствия допустима по должностным и бытовым преступлениям, но не по контрреволюционным делам», о чем подследственный, оказалось, совершенно не подозревал [13. Л. 229].

Сломить судью Островского удалось лишь после того как его посадили в камеру к провокатору С. Е. Франконтелю, которого с мая 1936 года следователи УНКВД успешно использовали для «камерной обработки» многих арестованных партийных и советских работников, а также бывших оппозиционеров и религиозных деятелей. На следствии более позднего времени Франконтель признавался: «Весь 1938 год прошел у меня над работой с членами правотроцкистской организации (члены бюро Крайкома, Крайисполкома, секретари парторганизаций и т.п.). Особенная (по темпам) была работа в этом году над судебными работниками. Через меня прошли 7

прокуроров, в том числе 2 заместителя Баркова и председатель областного суда Островский. (...) Моя задача была ремонтировать людей». [14. Л. 368].

Способы «ремонта» Островского заключались в обычном шантаже: судье пригрозили, что в случае отказа давать признательные показания будут арестованы члены его семьи, после чего следствие пошло по традиционному руслу. Оно неизбежно закончилось бы смертным приговором, но спасением для судьи стал очередной поворот в сталинской политике, положивший конец массовым репрессиям и давший освобождение многим арестованным. В октябре 1939 г. дело А. Н. Островского внезапно прекратили, арестованного освободили и полностью реабилитировали.

В ходе кампании террора значительный урон понесли и кадры военной юстиции в Сибири. Прокуроры и судьи трибуналов СибВО и Томской железной дороги составляли более узкий профессиональный круг, чем их гражданские коллеги, и они в меньшей степени были связаны с местной номенклатурой. Однако развитие операции против «правотроцкистов» и «участников военного заговора» сделало их также активной стороной конфликта с чекистами в 1938 г. Получая и анализируя поток уголовных дел из органов НКВД для вынесения санкций и приговоров, военные не проявили готовности поддерживать массовую фальсификацию обвинений, которую от них ожидали, и начали протестовать. НКВД ответило на этот демарш арестами самих прокуроров и членов трибуналов. 1 апреля 1938 г. был взят военный прокурор СибВО бригавоенюрист Петр Дмитриевич Нелидов; арестованы члены военной коллегии воентриба СибВО А.А. Забелин, Крикман, Томасевич, Киреев; заместитель военного прокурора Градобоев покончил с собой.

В мае 1938 г. начальник управления НКВД по Новосибирской области Г. Ф. Горбач представил Ежову и его заместителю Фриновскому специальный меморандум, в котором объяснял причины ареста военных юристов во главе с Нелидовым. Он сообщал, что Нелидов «сознался в участии в правотроцкистском заговоре и шпионской деятельности». «Показания

Нелидова, – писал Горбач, – вскрывают гнусное провокационно-клеветническое поведение военных юристов при рассмотрении политических дел. Подготовительные заседания превращались в к.-р. собрания, обсуждались и изыскивались способы сохранения участников заговора и с этой целью придирались к делам, клеветали на партию, сов. власть, органы НКВД. В связи с массовым изъятием к.-р. элемента распространяли среди окружающих провокационные цифры расстрелянных». О самом Нелидове Горбач написал, что он «информировал участников организации о содержании показаний арестованных заговорщиков, обсуждал с ними вопросы борьбы с сов. властью» [15. С. 211]. В конце июня 1938 г. Нелидова переправили из Новосибирска в Москву на допросы к Фриновскому, а 25 августа приговорили к казни и в тот же день расстреляли.

Преемник Нелидова на посту прокурора СибВО бригаденюрисст Ф. Я. Баумановский вскоре тоже был арестован. К нему применили пыточное следствие, продолжавшееся до наступления политических перемен, а затем освободили и восстановили в партии.

События 1937-1939 гг. в истории советской юстиции, как и всего общества, стали эпохой трагических перемен. В таких регионах, как Сибирь, исчез целый слой работников судебно-прокурорской системы, на продолжительный срок были разрушены структуры по надзору за спецслужбами, резко ухудшилась работа по жалобам населения, из-за систематического вмешательства органов НКВД и репрессий снизилось качество деятельности судов, которые и до этого страдали массой организационных недостатков. Но, очевидно, еще большее влияние на положение юстиции оказала сама атмосфера террора: опыт погибших юристов и тех, кто сумел избежать гибели, весь ужас пережитый правовым сообществом стали глубокой травмой юриспруденции, тяжелым и поучительным для нее уроком.

- [1] Смирнов Н.Г. Репрессированное правосудие. – М.: Гелиос АРВ, 2001. – 432 с.
- [2] Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г. Прокуроры двух эпох. Андрей Вышинский и Роман Руденко. – М.: «ОЛМА-ПРЕСС», 2001. – 382 с.
- [3] Соломон П. Советская юстиция при Сталине. Пер. с англ. – М.: РОССПЭН, 1998. – 464 с.
- [4] Гавриленко В.К. Казнь прокурора. Документальное повествование. – Абакан: АОЗТ «Хакасинтерсервис», 2000. – 240 с.
- [5] Козинцев А. Я. Государственная политика в сфере юстиции СССР. 30-50-е годы XX века. – Куртамыш, 2008. – 589 с.; Козинцев А. Я., Шкаревский Д. Н., Яноши В. В. Органы специальной юстиции СССР в 1930-1950-е годы. – Сургут: Издательский центр СурГУ, 2016. – 254 с.
- [6] Исаев В. И., Михеев Д. Ю., Угроватов А. П. Между политикой и правом: суды Сибири в 1920-е – 1930-е гг. – Новосибирск, «Параллель», 2014. – 280 с.
- [7] РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 877. Л. 105.
- [8] ГАНО. Ф. Р-1199. Оп. 1а. Д. 10. Л. 58об.-59.
- [9] Архив УФСБ по НСО. Д. 4199. Т. 7.
- [10] Архив УФСБ по НСО. Д. 13792.
- [11] ГАНО. Ф. П. 22. Оп. 1. Д. 139.
- [12] ГАНО. Ф. П. 3. Оп. 34. Д. 48.
- [13] Архив УФСБ по НСО. Д. 1046.
- [14] Архив УФСБ по НСО. Д. 8437. Т. 3.
- [15] Папков С.А. Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. – М.: РОССПЭН. 2012. – 440 с.

- [1] N. Smirnov Repressed justice. - M.: Helios ARV, 2001. - 432 p.
- [2] Zvyagintsev AG, Orlov Yu.G. Prosecutors of two eras. Andrey Vyshinsky and Roman Rudenko. - M.: OLMA-PRESS, 2001. - 382 p.
- [3] Solomon P. Soviet Justice under Stalin. Per. from English - M.: ROSSPAN, 1998. - 464 p.
- [4] Gavrilenko V.K. Execution of the prosecutor. Documentary narration. - Abakan: AOZT Khakasinterservice, 2000. - 240 p.
- [5] A. Kodintsev. State policy in the field of justice of the USSR. 30-50s of the twentieth century. - Kurtamysh, 2008. - 589 p.; A. Y. Kodintsev, D. Shkarevsky, V. V. Yanosh. Organs of Special Justice of the USSR in the 1930-1950s.- Surgut: Publishing Center SurGU, 2016.- 254 p.
- [6] Isaev, V.I., Mikheev, D.Yu., Ugrovatov, A.P. Between Politics and Law: The Courts of Siberia in the 1920s - 1930s. - Novosibirsk, Paralel, 2014. - 280 p.
- [7] RGASPI. F. 82. Op. 2. D. 877. L. 105.
- [8] GANO. F. P-1199. Op. 1a D. 10. L. 58ob.-59.
- [9] UFSB Archive for NSO. D. 4199. T. 7.
- [10] UFSB Archive for the NSO. D. 13792.
- [11] GANO. F. P. 22. Op. 1. D. 139.
- [12] GANO. F. P. 3. Op. 34. D. 48.
- [13] UFSB Archive for NSO. D. 1046.
- [14] UFSB Archive for the NSO. D. 8437. T. 3.
- [15] Papkov S.A. Ordinary Terror. The policy of Stalinism in Siberia. - M.: ROSSPEN. 2012. - 440 p.